

Обращаясь теперь уже только к Смородинскому, я раскрывал заинтересовавшую его идею, и это вызывало удовлетворение наиболее активно и громко сопереживающего слушателя. По мере дальнейшего изложения доклада интерес Смородинского всё более возрастал. Своими положительными впечатлениями он делился с сидящим рядом с ним молодым коллегой. Тот поддерживал его.

Наконец я произнёс первый вывод:

— Из изложенного следует, что нет эквивалентности инертной и гравитационной масс.

— Что за глупости вы говорите? — мгновенно последовал возмущённый возглас Я.А. Смородинского.

Оживились и другие слушатели. У одних такой вывод вызвал здоровое любопытство, у других — сдержанное удивление, а у некоторых и неловкость.

Обескуражен был и я таким поворотом дела, хотя и не очень неожиданным. Необходимо было изменить ситуацию, и я обратился к Смородинскому:

— Разрешите я ещё раз расскажу о предпосылках сделанного вывода, и мы с вами вместе выявим изъян, если он имеет место.

Смородинский согласился с предложением, и я приступил к подробному повторному изложению. Теперь он более придиристо обсуждал каждое моё утверждение, и мы вместе медленно продвигались вперёд. Наконец наступил момент, когда надо было произнести крамольный вывод об отсутствии эквивалентности. Я сделал паузу, напряг силу воли и заявил:

— Итак, нам ничего не остаётся, как повторить ранее сделанное заявление: эквивалентность отсутствует.

Аудитория зашумела, все оживлённо обсуждали этот парадокс. Одни высказывали явное отрицание, другие — удивление, сомнение, а некоторые и согласие по причине ранее сформировавшегося убеждения или просто из чувства противоречия устоявшемуся мнению. Наконец Смородинский громко на всю аудиторию заявил:

— Я считаю изложенное здесь чепухой, недостойной заслушивания в этой высокочтимой аудитории. Предлагаю дальше не слушать Успенского и перейти к следующему докладу.

Это был очень сильный удар. Такие заявления на семинарах делаются нечасто. Я с надеждой посмотрел на слушателей. У большинства увидел здоровое любопытство к происходящему, на лицах — довольные улыбки. Они ожидали продолжения. Особенно это относилось к молодёжи. И я пошёл вперёд:

— Николай Александрович, мне непонятно, что здесь происходит. Семинары служат обмену мнениями и чем они необычнее, тем плодотворнее их обсуждение. Здесь же без каких-либо доводов, кроме «это не может быть, потому что быть не может», призывают не только не обсуждать, но и не заслушивать до конца то, что расходится с установившимся мнением.

Затем я обратился к аудитории:

— Мы, наверное, все должны решить — продолжить доклад или прекратить.

Аудитория зашумела, раздался возглас: «Будем продол-

жать!» — «Читайте дальше!» — «Это интересно!»

— Георгий Романович, ваша теория предполагает искривление пространства? — вмешался председатель.

— Да.

— Тогда продолжайте доклад.

После этих слов председателя Смородинский встал со своего места и со словами: «Я не могу здесь больше оставаться» направился к выходу. За ним последовал рядом сидевший молодой человек.

Аудитория опять замерла. Замешательство прервал председатель:

— Так что же вы, Георгий Романович, продолжайте доклад.

И я продолжил...

В перерыве заседаний ко мне подходили молодые физики и высказывали свои положительные суждения. Я предложил одному из них, ставшему через несколько лет доктором физико-математических наук:

— Почему бы вам не рассмотреть сформированный мной механизм гравитации с точки зрения теории поля?

Последовал ответ:

— Вы так свободно можете действовать потому, что занятия теорией гравитации для вас хобби. Для меня же это работа. Если я даже вслух заговорю об этом, тут же лишусь всего в нашем институте — научного руководства, диссертации, наконец, карьеры. Я стану изгоем среди физиков.

Выговориться перед широкой аудиторией

Мало кто читает труды конференций. Во-первых, тираж всегда невелик, а во-вторых, это не слишком увлекательное чтение. Поэтому приобретают и читают труды в основном авторы и соавторы докладов. Мне же хотелось выговориться перед широкой аудиторией.

Подталкиваемый этим желанием, я написал три брошюры: «Аномальная гравитация», «Гравитационная космонавтика» и «Аномальный Мир» — и опубликовал их в 1992 году в издательстве «Инвенция». После этого кончилась моя спокойная жизнь — рука всё время тянулась к перу и пошло-поехало — книга за книгой. Появлялись неожиданные результаты, объединялись и развешивались разделы, чередой издавались книги: «Аномальная Вселенная», «Аномальная гравитация и наше будущее», «Anomalous Gravitation and Astronautics», «Космонавтика XXI», «Гравитация», «Космические хроники», «Gravitation», «Astronautics XXI». В них вместились история формирования представлений о гравитации, поточный механизм с его закономерностями и следствиями, гравитационные

корабли, портреты некоторых создателей ракетной и космической техники, гравитационные космические эксперименты, путешествия на гравитационных кораблях, эволюция вещества и ожидаемые сюрпризы для наблюдателей Вселенной, и наконец, формирование жизни в ней.

И что замечательно — никакой реакции гравитационистов. То ли они не читают чужих работ, то ли в этой несформированной науке несчётное количество самых противоречивых идей и ещё одна никого не тревожит, то ли профессионалам трудно выходить из своих многомерных пространств и отвлекаться от гипнотизирующего общения со сладкоголосыми многомерными струнами. С одной стороны, это досадно: работал, работал и вроде бы без толку, с другой, — хорошо: никто на тебя в твою сторону не ругается, а то получится, как с тремя пальцами Лермонтова.

Многих известных учёных я просил дать заключение на поточный механизм и его следствия. Тщетно. В лучшем случае получил краткие записки вроде: «Глубокоуважаемый Георгий Романович! Благодарю вас за ваши книги. Отрадно, что вы интересуетесь такой сложной наукой. С уважением В.Л. Гинзбург. 17.11.93».

С совершенно необычным я столкнулся на международной конференции гравитационистов в сентябре 1995 года, проходившей в Одессе. Туда мы отправились с моим энергичным коллегой Пинчуком, интересующимся всем и вся, чтобы пообщаться с гравитационистами-профессионалами. Некоторые из них мы знали лично и взаимодействовали по работам, связанным с формированием космических гравитационных экспериментов. Для затравки бесед я взял свои книги по гравитации, а также тезисы доклада на эту тему.

Доклад я зачитал на пленарном заседании и призвал присутствующих принять более активное участие в формировании гравитационных экспериментов на космических аппаратах. Для меня было привычным холодное восприятие убедительных и достоверных экспериментов и новых идей гравитации сторонниками ОТО.

Меня поразил эпизод, произошедший вечером того же дня на лёгком банкете по случаю открытия конференции. После первого тоста ко мне подошёл старинный знакомый Урал и без обиняков заявил:

— Георгий, бросай ты это неблагоприятное дело! Ты известный человек в космонавтике, занимайся своими «Марсами» и «Венерами». Зачем тебе лезть в это мутное дело?

Я удивился такому предложению:

— Это моё хобби, просто не могу воспринимать необоснованные запреты на энергетику и скорость передвижения, а потом это тесно связано и с моей работой по долгосрочному прогнозированию космической науки.

На что мой знакомый загадочным тоном заметил:

— Видишь ли, занимаясь гравитацией, ты можешь потерять здоровье.

Сказав это, он тихо удалился так же, как и подошел.

Я озадачился: «Вот это да! Что бы это могло означать? Заказная угроза или просто совет

доброе человека? Надо разобратся в этом деле». И я отправился к нему в другой конец зала.

— Что ты имеешь в виду под словами «потерять здоровье»? — тоже без обиняков начал я.

Мой знакомый не удивился вопросу и спокойно разъяснил: — Объединившись, приверженцы ОТО могут организовать в печати кампанию осуждения и высмеивания твоих идей, что доставит тебе множество неприятностей. Зачем они тебе?

— Не понимаю за что. Я никого не трогаю, тихо делаю свое дело, что-то получаю и радуюсь этому.

— Не так уж тихо. Ты публикуешь результаты, выступаешь и тем здорово раздражаешь этих людей. Они же сами прекрасно знают, что занимаются «искусством для искусства», притом целыми династиями, и тоже получают при этом не только удовольствие, но и средства к существованию. И как ты прикажешь на тебя смотреть этим людям? Как минимум, с раздражением.

Немного успокоившись, я вспомнил, как утром украдкой молодёжь брала препринты моего доклада со стола у входа в зал пленарного заседания и как «бронтозавры» с отсутствующим видом проходили мимо. «Надо попытаться как-то растопить эту атмосферу», — подумал я.

На другой день подарил книгу «Аномальная гравитация и наше будущее» моему благодателю и нескольким другим маститым гравитационистам. Потом вёл разговоры на тему её содержания. Мой знакомый несколько потеплел и перестал меня «жалеть». Остальные же слушали молча и сохраняли каменные лица.

В гнетущей атмосфере прошли три дня. Настроение было такое, что хоть садись в самолет и улети в Москву.

«Очи чёрные» под Армстронга

В последний день работы конференции был организован пышный прощальный банкет. Неожиданно мне предоставили слово. Я выразил восхищение высоким уровнем профессионализма присутствующих; недоумение, что занимают они сами собой; убеждённости, что в этом есть своя прелесть, и надежду, что гравитационисты в конце концов создадут теоретическую основу будущей гравитационной цивилизации человечества.

Меня слушали весьма внимательно. Но лица опять были настороженные и недружелюбные.

После тостов в руках тамады профессора Руденко появилась гитара. У меня мелькнула озорная мысль. Я подошёл к Руденко и попросил его отдать мне инструмент, как только он ему надоест. Когда гитара

перешла в мои руки, я подстроил струны и запел «Очи чёрные...» под Армстронга. Появились улыбки и дружные призывы продолжить. «Вот это да! Вот это оборот! Труд над теорией — ничто и даже раздражает, а песня, эта легковесная мимолётная субстанция, рождает к тебе симпатию».

Завучали другие песни, и меня долго не отпускали от гитары. Говорились всякие приятные слова и, как это ни удивительно, относительно гравитации тоже. Я совсем растерялся: «Только вчера многие «волками» смотрели на меня, а сегодня я стал им чуть ли ни лучшим другом. Видимо, человечеством в большей мере правят эмоции, идущие от авторитетов или от самовозбуждения, чем холодная рассудительность».

На другой день по мере приближения часа отъезда эйфория братания приоблетала всё больший и больший размах.

Расстались мы друзьями. Вот тебе и «бросай ты это неблагоприятное дело», если, конечно, нет гитары...

Но совершенно противоположную точку зрения на данную парадоксальную ситуацию я услышал от моего давнишнего друга Олега, тонкого психолога и большого «дипломата»:

— Всё очень просто: высказываемые тобой «крамольные» идеи приверженцы ОТО воспринимали как провокацию, цель которой — вывистить в стройном и слочённом стане поклонников великой теории колеблющихся или заблудших. Отсюда такая настороженность и отчуждённость в общении с тобой, и особенно прилюдно. Когда же они увидели тебя с гитарой, груз позорных спал с их плеч, они расслабились и с радостью бросились к тебе в объятия.

Вот это да! Вот это ход мысли! Сработал алгоритм профессионального разведчика.

После Одессы, на конференции в Новгороде, я уже был узнаваем. Многие известные гравитационисты со мной здоровались, если рядом с ними не были ещё более известные люди. Мне стало ясно, что я занесён в чёрный список инакомыслящих. И несмотря на мой доклад о космических экспериментах, в котором говорилось о потребных условиях на борту космических аппаратов (температуре, составе и точности измеряемых параметров) и орбитал их движения для исследования гравитационного взаимодействия пробных тел, совершенно нейтральный к устоявшимся в гравитации парадигмам, печать вольнодумца неумолимо сияла у меня на лбу. Плохо это или хорошо? С одной стороны, плохо, что я вне этого сплочённого ордена, где шаг — сторону — побег, с другой — хорошо, ибо мои простые ходы мыслей (как мне позже напишет рецензент журнала «Письма в Астрономический журнал», являются откровением для армии талантливых гравитационистов, замороженных красотой ОТО, и для которых с технической точки зрения сделать то, что сделал я, всё равно, что дважды — два. Видимо, и от этого им бывает иногда досадно слушать мои простые и очень похожие на правду умозаключения.

(Окончание следует)